

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шавич

Истории от доктора Продолжение

Начало в № 7, 8, 10 – 2024

Глава 6

– Мой мальчик в больнице в тяжёлом состоянии, – госпожа Висташи уже не плакала, видимо кончились слёзы, – ему выстрелили прямо в грудь рядом с сердцем. Навылет, – она сидела на террасе с опущенными вдоль тела руками и смотрела опустевшими глазами куда-то вдаль, мимо меня. Словно чувствуя, но не замечая моего присутствия и ничего вокруг. Будто говорила сама с собой. Или с Ним.

Я боялась спросить, проронить слово. Молча обняла её, заметив, как женщина вмиг, словно на глазах, постарела. Как на лице видны были лишь боль и страх. Я отвернулась, не в силах сдержать прорвавшиеся слёзы.

– Это ничего, он поправится, я буду молиться за него. С ним уже такое случалось. И я не отговаривала его идти в полицию. Он офицер, и это его долг, а я не отговаривала, он же мужчина, – она еле слышно шептала слова пересохшими губами, словно молитву, – он должен поправиться, должен. Я хотела его увидеть, погладить по голове, но к нему пока не пускают, мальчик в коме после операции. Девочка, ты пойдёшь завтра со мной к нему в больницу? Только, если не будешь плакать.

Оказалось, Якоби участвовал в задержании давно разыскиваемого за совершённые теракты вооружённого преступника, который попытался скрыться на территориях. В перестрелке возле арабской деревни, недалеко от пропускного пункта в город Ариэль, её сына ранили. Его доставили в госпиталь, сделали сложную операцию, остановили кровотечение и сейчас он в реанимации. Врач-хирург сказал, что сделал всё возможное, и теперь его шансы пятьдесят на пятьдесят. Надо верить и молиться. Верить и молиться...

– Госпожа Лапинье, я хотела бы Вас попросить... знаете, тётя Эливет так к Вам относится... – Юдит, одна из многочисленных племянниц госпожи Висташи, смущаясь, не могла подобрать слова, и от того обращалась ко мне на «вы». – Я хотела спросить, не могли бы Вы побыть с ней... Не долго, только эти пару дней! Вы, хоть и чужой для неё человек, но она сама просила, чтобы именно Вы. Понимаете, мы все работаем, семьи, да и отелем надо кому-то заниматься, а Вы... Она сама просила. Если Вам не трудно. Пожалуйста, прошу Вас.

«Барух ата Адонай Элохейну, ата Элоним аладеха, Эль на, рефа на ло. Эль на, рефа на ло», – мы сидели с Эливет одни на женской половине в опустевшей в это позднее время синагоге. Сидели уже долго, кажется больше двух часов. Она крепко держала меня за руку и шептала эти незнакомые гортанные слова, и мне казалось, я понимаю их смысл. У меня по щекам беззвучно текли слёзы, и я пыталась осмыслить то, что сижу в этом необычном для меня месте и прошу Его не о себе, а о малознакомом мне человеке, повторяя слова-мольбу за его мать, и от этого мне самой становится легче на душе от нечаянного прикосновения к некоей святости бытия.

«Пожалуйста, Г-споди, пожалуйста, вылечи его! Пожалуйста, Г-споди, пожалуйста, вылечи его! И исцели его».

Вчера у Якоби уже во второй раз была остановка сердца, но врачам удалось его запустить.

☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆

«Где я? Почему здесь так темно и холодно? Куда идти, я ничего не вижу. Попытаться двигаться на ощупь или подождать, пока глаза привыкнут к этой абсолютной беззвучной темноте? Нет, если повернуться в эту сторону, там что-то светится, кажется надо идти туда, где этот свет. Слабый, притягивающий. Хотя нет, здесь есть что-то ещё, какое-то странное тепло. Откуда-то со стороны чувствуется тепло. И запах. Знакомый родной согревающий запах. Да я же знаю его! Это запах маминых печений с орехами и корицей! Как же она их называла? Кажется, «пальчики». Запах из детства. Так, может, мне туда?»

Удар! Ещё удар! И почему сразу стало так невыносимо холодно. Где я? Что это за голоса? «Адреналин, и готовьте операционную, будем вживлять кардиостимулятор!»

Б-же, как холодно, и ужасно хочется пить.

Да, я кажется вспомнил. В меня стреляли, и теперь я в больнице. Ну почему я вечно забываю одеть этот злополучный защитный жилет? Сам виноват, так что теперь... Почему так давит в груди, просто нестерпимо. Сделайте же что-нибудь, чтобы не болело и дайте поспать. Опять сильно тянет в сон. Невыносимо хочется закрыть глаза и отдохнуть. Закрыть глаза.

И вдруг снова темно, но я опять вижу этот знакомый свет, и мне, наверное, туда. Он усиливается, становится ярче и меняется с белого на светло-голубой. Да это же небо! Безоблачное весеннее небо. Как в детстве, когда после длительной простуды впервые выходишь на улицу и вдыхаешь весенний солнечный воздух полной грудью. Но небо, оказывается, где-то сверху. А под ногами видна ночная улица или, скорее, проспект. Яркий, широкий, длинный, уходящий в серую печальную темноту. Он хорошо освещён, но совершенно безлюден и пуст. И тут, где-то впереди, там, где весеннее небо, появляются тихие голоса, потом плывущие в облаках необычные строения, похожие на первый храм, и много знакомых лиц. Я их не вижу, но чувствую, они там, впереди. Мне кажется, там не будет боли. Только покой.

Но опять появляется это уже знакомое тепло. И снова пахнет мамой и домом. Но это же в другой стороне, за спиной, откуда я, кажется, пришёл, где совершенно темно, и только ощущение тепла и чего-то очень родного. Это мама. И рядом с ней ещё что-то другое. Новое, незнакомое, но манящее к себе даже сильнее. Что это? Я знаю! Это запах женщины! Такой яркий, что кружится голова. Всё, я уже решил, я иду туда, откуда исходит мамино тепло. И этот запах...»

☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆

И ещё один мой сон.

Я закрываю глаза, и сон обрушивается откуда-то сверху, заполняя всю меня, а потом и пространство вокруг. Я свечусь вся, до кончиков появившихся крыльев за спиной. Я чувствую силу и тяжесть этих огромных, почти до земли белоснежных крыльев. А потом появляется мужчина. Я думаю, может это мой муж, но оказывается не он. Мужчина спит. Свет, окутывающий меня, касается и его незнакомого, но очень родного лица, он улыбается и открывает глаза. Я обхватываю его руками и шепчу: «Не бойся, милый! Я не дам тебе упасть!» И мы взлетаем ввысь. Он улыбается. И свет уже не белый, а голубоватый, и одежда на мне – длинная рубашка, а, может платье, тоже стало голубовато-светящимся. В снах нет звуков, но этот цвет – сам музыка. И в центре этого свечения его лицо, и моё ощущение, что я не отпускаю его никогда и не отдам никому на свете.

Глава 7

– Посетители в третью палату можете пройти, – мы надели зелёные одноразовые халаты и шапочки, на лицо маски и зашли.

С тех пор как нам три дня назад разрешили посещения, мы ходим к Якоби каждые шесть часов.

Вчера его перевели из реанимационной в палату интенсивной терапии. Здесь режим посвободней, можно даже приносить свою домашнюю постель и расставлять на тумбочке семейные фотографии и детские рисунки переживающих родственников. Якоби ещё без сознания на аппарате искусственного дыхания, но сегодня мне показалось, что он слегка приподнял веки и попытался открыть глаза. Может, просто показалось, но я верю. Я уверена, Якоби слышит нас и борется изо всех сил. Он не сдаётся.

Чаще всего мы ходим вдвоём: Эливет и я. Мы садимся с левой стороны от него, так хочет его мама, чтобы быть поближе к сердцу. Она держит его руку в своей левой руке, а в другой мою ладонь. Я не сопротивляюсь, если она так хочет и ей от этого легче, пусть держит. Я уже привыкла к нашим визитам, к персоналу, к звуку работающих медицинских аппаратов и сигналов тревоги, если параметры отклоняются от нормальных. Здесь не борются за жизнь, а без пафоса делают свою работу. Чтобы выжили. Получается, к сожалению, не всегда. И выжить получается не у всех. Некоторые устают и тихо уходят. Снующие медсёстры, вечно спешащие врачи, ожидание в приёмной, когда разрешат войти, и даже эти смешные зелёные халаты. Зелёный – это хорошо, это цвет надежды, нам она сейчас необходима больше всего.

Я свыклась с мыслью, что приходить сюда – это мой человеческий долг. Перед ним, перед его матерью, передо мной самой в конце концов. Если я оказалась здесь, в этой стране, в этой больнице и всё это нереальное со мной происходит, значит все эти события не случайны, значит это было предопределено, значит так и должно быть. Если я чем-то смогу помочь, если он выживет, то... я не знаю, что будет со мной, но, может когда-нибудь, когда я буду нуждаться в поддержке и сострадании, кто-то возьмёт мою руку в свою, скажет несколько добрых слов поддержки, и мне тоже станет легче принять неизбежное и уйти.

– Девочка, тебе надо отдохнуть, хочешь, отправься куда-нибудь на пару дней, развейся. А давай, Натан отвезёт тебя к его сестре на Кинерет. Или поезжай на Мёртвое Море, отдохни, – прошли шесть недель с того страшного несчастья. Якоби уже девять дней, как в обычной палате, кризис похоже миновал, он начал потихоньку ходить, и Эливет ездит теперь к нему чаще всего одна. Правда, иногда я сама напрашиваюсь и еду с ней вместе.

И хотя Натан – приятный и дружелюбный муж одной из племянниц, утверждает, что я за это время стала ещё красивее, что божественная бледность очень украшает меня, я всё же чувствую, что ужасно истощена и мне надо отдохнуть. Тем более, что через пару недель прилетает Филипп. Сын позвонил, сказал, что у него три недели каникул, что он жутко соскучился, хочет непременно увидеться. И у него для меня сюрприз.

– А знаешь, у меня есть другое предложение получше: давай-ка соберём всех здесь и устроим барбекю, как это любит мой мальчик. Ему бы эта идея понравилась, – Эливет пыталась изменить дух переживания и растерянности, царивший у членов семьи, заполнивших отель в эти непростые дни. И отблагодарить всех за поддержку. Поменять доминанту.

Полный дом людей – это то, что мне сейчас было меньше всего нужно. Мне хотелось побыть одной, прийти в себя,

восстановить силы. За те дни, что мы провели в больнице, не прошли даром. Мне казалось, я отдала Якоби часть своей жизни, часть из отпущенных мне нескольких месяцев. Меня не покидало ощущение, что мы невидимо связаны с ним, и, чтобы прибавить ему сил выжить, мне надо было отдать свои оставшиеся. И я ни о чём не жалела.

Конечно, я постоянно прислушивалась к своему телу. Ежедневно, ежесекундно. Но ничего не слышала, никаких болей, никаких симптомов или проявлений. Ничего, кроме невероятной усталости. Странно, почему я ничего не чувствую. Наверное, это такая передышка, затишье перед боем. Своеобразный «портрет Дориана Грея». Это такая пружина, которая пока ещё растягивается, зато потом, когда она сорвётся...

– Натали, может ты всё-таки не будешь больше платить за комнату? Ты ведь столько для меня, для нас сделала. Ты мне уже, как родная, – госпожа Висташи, обняв меня, в очередной раз пыталась убедить, что я не должна оплачивать свой номер.

– Эливет, мы это уже много раз обсуждали, – я постаралась сердито нахмурить брови, – если ты не хочешь, чтобы я съехала, мы больше не будем поднимать эту тему. И вообще, давай лучше мы покрасим твои волосы. Седина хоть и делает тебя ещё благороднее, но твой настоящий цвет волос мне нравился больше.

Она была женщина мудрая и понимала, что денежные вопросы, чтобы ничего не испортить, не должны стоять между нами. Но она привязалась ко мне за эти последние недели, мы стали близкими людьми, почти сроднились, и ей хотелось сделать что-то хорошее для меня. Нечто доказывающее её добрые чувства ко мне.

Я оправданно опасалась, что какие-то финансовые разногласия или взаимонепонимание могут омрачить наши отношения. Деньги вообще обладают страшной разрушительной силой. Я уверена, что они по силе своего влияния на психологию отношений, наравне с любовью с сексом, – один из тех столпов, на котором держится мир. Моё непростое отношение к ним сформировалось ещё в раннем возрасте, когда деньги стали причиной того, что мои собственные родители не смогли правильно разрешить возникшие трудности и сохранить свою любовь и семью.

Они поженились в совсем юном возрасте, что-то около двадцати. Потом через полгода родилась я. После окончания университета папа начал работать учителем истории в школе, а мама устроилась в типографию корректором. Они начинали с абсолютного нуля. Со съёмной квартирке на окраине; с невозможностью позволить себе отпуск; с машины, которая больше находилась в ремонте, чем ею пользовались и другими трудностями молодой семьи без поддержки родителей. Они сознательно пошли на это, чтобы ни от кого не зависеть. Юношеский максимализм чистой воды. Со временем мама перешла на работу в известное крупное издательство, где за несколько лет выросла до главного редактора отдела художественной литературы. С её мнением стали считаться, она пользовалась авторитетом у писателей, к ней приходили за советом, и она по праву заслужила положение человека, без мнения которого ни одно серьёзное произведение в издательстве в тираж не запускалось. Она стала очень прилично зарабатывать, получать гонорары, ездить на крупные книжные ярмарки за границу, и вообще стала светской дамой, вхожей в самые изысканные дома в Париже. А папа оставался учителем истории. Простым учителем истории в обычной школе на окраине. И лучшим способом провести свободный вечер считал хорошую книгу или занятия с дочерью. Разногласия, а потом и

разбирательства начались, когда мне было лет десять-одиннадцать. Отец не смог долго терпеть упреки в неспособности зарабатывать деньги и неумении вести себя достойно в определённых кругах. Можно было представить, как ему непросто давалось понимание того, что все семейные финансовые успехи и благополучие были достигнуты без его участия. Однажды, после очередного скандала, папа просто тихо ушёл. Рано утром, когда все спали.

Я уверена, он продолжал любить маму, но не захотел унижать их отношения, опускаясь до денежных дрызг. Наверное, чтобы не омрачать всё то хорошее, что у них когда-то было. Все те чувства, которые ещё не удалось окончательно разрушить. Может быть поэтому он больше никогда не женился.

К сожалению, мама тоже не устроила свою личную жизнь. Она несколько раз связывала себя мучительными отношениями с какими-то мужчинами, но так никогда и не была счастлива. И уже долго живёт одна. Независимая, обеспеченная и... одинокая.

Мне думается, если бы она могла всё вернуть назад, то поступила иначе и выбрала семью.

Я не люблю деньги. И никогда не любила. Я понимаю их необходимость и значение, но не хочу признавать главенства материального и меркантильного в человеческих отношениях. Я никогда не нуждалась в деньгах, но никогда и не любила. Может поэтому, а может и по иным причинам, но я действительно последнее время раздумывала: не переехать ли мне в другое место, уж очень я срослась с Эливет, с их семьёй, с её сыном. И это меня, признаюсь, смущало. И даже обязывало. Но в моей ситуации связывать себя обременительными обязательствами я не хотела.

Иногда я просыпалась среди ночи от того, что меня переполняли какие-то новые чувства. Что-то связанное с Якоби незримо росло во мне. Меня это и радовало, но и пугало одновременно. Зная, что меня ждёт впереди, я не хотела никому усложнять жизнь, и поэтому гнала от себя всякие мысли о любых возможных привязанностях.

Ладно, прилетит сын, мы с ним поедem куда-нибудь вдвоём, попутешествуем, посмотрим страну, отдохнём, а там будет видно.

Глава 8

Я всё же решила остаться пока жить в отеле и даже попросила Эливет забронировать ещё одну комнату для Филиппа. Мне не хотелось её обижать, да и мы всё равно планировали с сыном поездить по стране, а базовый лагерь оставить на месте в Тель-Авиве. Хотя, может, я сама боялась себе в этом признаться, но был ещё один повод, почему я не решилась, вернее не захотела переезжать. Мне было трудно представить, что я не буду больше видеться с Якоби.

Он вернулся из больницы сильно похудевший с ещё более выразительными, большими и грустными глазами на лице и ещё молчаливее, чем раньше. Врачи пока запрещали ему выходить из дома, поэтому он сидел целыми днями в кресле или на центральной террасе с книгой, или чаще в саду под яблоней и смотрел на море и на людей, проходящих по набережной. Было заметно, как ему непросто даётся его бездвигательность, как тяготит беспомощность и зависимость от чужой помощи. Мне было его очень жалко, хотелось как-то его поддержать, погладить по голове, заглянуть в глаза. Но он по-прежнему не заговаривал со мной первым, а сама я не решалась его беспокоить. Если мы всё же встречались взглядом, то мне казалось, он хочет мне что-то сказать, но не

может отважиться. Когда я проходила мимо, он даже как-то подавался вперёд всем телом мне навстречу, но потом сникал, опускал глаза и отворачивался. Но даже так я ощущала некое молчаливое родство между нами, совсем тоненькую ниточку, связавшую нас за время его болезни, что-то общее тайное, почти интимное, нас объединяющее. Я женщина, и я, конечно же, чувствовала его отношение ко мне, его молчаливое равнодушие, я видела его глаза. Но я понимала, что не должна вмешиваться в его жизнь. Не имею права заставлять его страдать ещё больше. И запретила себе подавать мужчине какую-либо надежду.

Глава 9

Жена Якоби приехала неожиданно для всех и без предупреждения. Кто-то из родственников сообщил ей о случившемся, и она решила, что ей стоит прилететь. Поселившись в одной из крупных гостиниц на набережной в центре, она пришла нарядная, привлекательная и деловая. Дом сразу наполнился шумом и светом. Кимберли являлась каждый день в новом умопомрачительном наряде, ходила по гостинице с хозяйским видом, всё контролировала, везде распоряжалась.

К её приезду не был готов никто. Якоби казался скорее удивлённым, чем обрадованным. Конечно, ему было лестно, что она примчалась по такому поводу из такого далека, уделяет столько внимания и проявляет заботу. Но видно было, что это его больше тяготит. Он смущался, смотрел на меня виноватыми глазами, пытаясь что-то объяснить в оправдание. Как будто в этом была его вина.

Эливет была удивлена не меньше. Было заметно, что происходящее ей не очень приятно, но она приняла самое мудрое решение в данной ситуации, заняла выжидательную позицию и старалась не вмешиваться.

– Всё-таки у них общая дочь. Я не думаю, что она вернулась насовсем. Скорее это демонстрация собственной значимости и незаменимости. Сколько лет не давала о себе знать, а тут вдруг примчалась. Как это всё по-американски! Всё на показ. Наверняка, она скоро снова сбежит, когда наиграется в благородство, но мальчику голову поморочит сильно. Зачем она приехала? Бедный сын... Но всё же у них общий ребёнок, – Эливет выглядела растерянной и расстроенной.

Меня Кимберли демонстративно не замечала. Или делала вид, что не замечает. В моём присутствии она старалась ещё больше демонстрировать свою близость с бывшим мужем и его семьёй. То на ходу целовала Якоби, то внезапно начинала обнимать Эливет. Всё это напоминало мне запутанный индийский сериал с ярким и неожиданным переплетением судеб главных героев, но с печальным концом. И, если честно, своей роли в этом кино я иметь не хотела. Поэтому старалась бывать в гостинице пореже. Однажды она всё-таки встретила меня и попыталась заговорить, но я, извинившись, постаралась поскорее сбежать. Уж очень всё это было нелепо, тягостно и некстати.

Исчезла Кимберли также неожиданно, как и появилась. Просто в одно утро я не услышала её привычного голоса.

– Наконец-то, наваждение закончилось. Теперь всё станет на свои места, – Эливет снова ожила и хозяйничала на кухне, – я слышала, как Якоби с ней разговаривал и попросил, чтобы она уезжала. Она не хотела, но сын настоял. Просто потребовал. Так решителен раньше он бывал с ней не часто. Она правильно сделала, что улетела. Поняла, что здесь лишняя. Но к её чести не обиделась, даже обещала на Рождество прислать дочь. Знаешь, я очень этому рада.

Ваш доктор Шаевич

Продолжение следует